

“Мне нравилось идти на гребне волны...”

В год 40-летия Мегиона, в День рождения города, была обновлена городская Доска почёта. На неё помещены фотографии двенадцати заслуженных мегионцев, кандидатуры которых были выдвинуты трудовыми коллективами. От бюджетного учреждения “Мегионская городская больница” на городской Доске почёта размещена фотография ветерана мегионского здравоохранения, врача-эндоскописта операционного блока Гаптрауфа Саубановича Бикмеева. Многие мегионцы хорошо знают Гаптрауфа Бикмеева как знающего и внимательного доктора.

ГАПТРАУФ Бикмеев окончил Башкирский государственный медицинский институт имени 15-летия ВЛКСМ в 1975 году и был направлен на работу в Пермь педиатром и детским хирургом. А его старший брат Вагиз Саубанович, тоже доктор, работал в Мегионе, заведовал детской поликлиникой. Со старшим из братьев случилось несчастье. Он перед 8 марта поехал за рыбой и потерялся, обморозился, ему пришлось ампутировать кисти обеих рук и ноги. Ему было в то время 30 лет, Вагиз попросил младшего брата приехать к нему.

У нас порода крепкая, брат встал на ноги - ему сделали протезы, - рассказал Гаптрауф Саубанович. - Он выучился на диетолога, стал заниматься иридодиагностикой, потом ушёл в бизнес, открывал аптеки, стал богатым человеком. Но Боженька, наверно, не любит богатых. В девяностые годы Вагиз заболел раком, долго лечился, но умер. А он был талантливым, музыкальным, писал стихи...

В 78-м году Гаптрауф Бикмеев переехал в Мегион, стал работать в поликлинике травматологом, помогал семье брата. Через год привёз сюда жену с ребёнком. Мегион конца семидесятых был деревянским, совсем не обустроенным, но молодой хирург не замечал бытовых неудобств. Ему импонировал дух коллективизма и романтики, который витал здесь. В наши дни нужно разяснять подробно, почему “Мегион - город первых”, а в те годы это все знали без доказательств. Ведь именно здесь забил первый нефтяной фонтан, именно мегионские геологи открыли Самотлор. Мегионцы семидесятых гордились этими достижениями, верили, что вершат историю, добывая для самой лучшей в мире страны “чёрное золото”, жили идеями справедливости.

- Поверьте, у нас тогда была искренняя вера, что мы скоро построим коммунизм, и я верил, что мы живём в самой справедливой на свете стране, - рассказывает Гаптрауф Саубанович. - Люди были открытыми, доброжелательными. В то время мы не знали железных дверей, ходили в гости друг к другу без предварительных договорённостей. Мегион был, как одна большая семья. И финансовая сторона была хорошей. Я в Перми получал 97 рублей, а здесь сразу же двести, и потом зарплата всё росла и росла. Когда я приезжал в отпуск на родину, для родни покупал всё, что они пожелают. Мегионцы жили вольготно, широко. Могли на самолёте слетать в Тюмень только для того, чтобы пива попить, в то время Тюмень для нас была ближе, чем сейчас! А главное, люди были добропорядочные. Например, если по дороге за городом кто-то шёл пешком, его обязательно подбирали. Не было такого, чтобы водитель, увидев пешего, мимо проехал, и разговора о деньгах не заводили. Я сейчас вспоминаю то время и думаю: это ностальгия по молодости или что? Мне кажется, мы тогда жили в коммунизме, просто не знали об этом...

Может быть, Гаптрауф Саубанович немного идеализирует прошлое. Но ведь, если люди верили в “прекрасное далёко”, которое называлось “коммунизм”, эта наивная вера стимулировала каждого проявлять свои лучшие качества. И на дороге в Высокий и Нижневартовск водители и правда подбирали пешеходов, а когда им предлагали деньги, это воспринимали, как оскорбление. Люди не видели причин опасаться незнакомцев, недоверие появилось позже, в лихие девяностые. Однако в те же семидесятые-восемидесятые в Мегионе было много временщиков, тех, кто приезжал сюда на год-два-три, чтобы скопить денег. При встрече знакомых самыми частыми вопросами были: “Где ты строишь дом? Какой? Когда уезжать будешь?”

- Да, это было, говорили: “Я приехал в Мегион заработать миллион”. Мне кажется, сюда приехало много отчаянных людей, у кого на “боль-

шой земле” что-то не сложилось. Кто-то развёлся, кто-то от жизненных неурядиц спасался, вот и поехали, куда глаза глядят. Но и комсомольцев много было, именно они задавали тон. Я хорошо помню, что Высокий строили молодые люди, приехавшие по комсомольским путевкам. Было немало тех, кто после армии сюда рванул. Кто-то остался, нашёл свою половинку, кто-то уехал.

- А у Вас не было желания построить дом в тёплых краях и уехать?

- Не было. В Мегионе к нам, врачам, было очень хорошее отношение. Я в деревне вырос, помню, там все смотрели на учителей, с них пример брали. А здесь “погоду делали” учителя и врачи, на нас смотрели с уважением. Мы быстро стали узнаваемыми, чувствовали себя нужными людьми. Мне нравилось идти на гребне волны, а это лучше, чем дом где-то строить. Да, многие говорили, что приехали сюда за деньгами и когда-нибудь уедут домой. Но шло время, а они всё не уезжали. Постепенно приходило ощущение, что дом - здесь, в Мегионе. Я помню, летом наш город пустел. Кто-то уезжал на море, на юга, кто-то - домой. Так и говорили: “В отпуск поеду домой”. И я говорил, что еду домой, значит, в Башкирию. А через лет 10-15, помню, приехал на родину, пожил там немного, и у меня мысль появилась: “Надоело здесь, надо домой ехать!”. То есть, домом для меня уже стал Мегион. И это ощущение сохраняется по сей день.

Когда доктор Гаптрауф Бикмеев приехал в Мегион, как раз строился больничный комплекс, а взрослая и детская поликлиники размещались в двухэтажном здании над Саймой. Хотя средний возраст мегионцев тогда был 29-30 лет, в поликлинике были огромные очереди - не столько из заболевших, сколько из устроившихся на работу и проходивших профосмотры. А сколько маленьких детей приводили мамочки на приёмы к педиатрам! Пожилых людей в городе было немного. А в девяностые годы город резко “постарел”: мегионцы, выходя на пенсию, перестали уезжать к себе на родину, и многие стали перевозить сюда своих престарелых родителей. И в это время больнице понадобилось большое количество дополнительных койко-мест и новых врачей. Гаптрауф Саубанович поделился своим видением развития мегионской медицины:

- В восьмидесятых годах больницу попадали либо из-за драки, либо в результате несчастного случая на производстве, - сказал он. - Народ был, в основном, молодой, здоровый. Почти не было инфарктов, инсультов, параличей, мало было хронических больных. У нас в год были 2-3 операции по удалению желчного пузыря, а сейчас мы такие операции сотнями делаем. И население повзрослело, и привезло стариков, стало много больных. Но и медицина не стоит на месте, развивается. Постепенно, как по всей стране, по всему миру, идёт развитие медицины. Если оглянуться назад, мы видим, как далеко продвинулись, как много нового освоили. Мой брат умер 18 лет назад от рака желудка. Кажется, немного времени прошло. А если бы он заболел сейчас, при современном развитии медицины его можно было бы вылечить. Я знаю, что сегодня он бы выжил. Так медицина изменилась.

Вместе с общим развитием медицины развивается и доктор Бикмеев. Сейчас у него

четыре диплома, четыре специализации: хирургия, онкология, проктология, эндоскопия. Чтобы вовремя узнавать все новые методики лечения, доктору приходится не реже, чем раз в пять лет, повышать квалификацию, ездить на учёбу в Москву или Санкт-Петербург. Сравнивая эти города, Гаптрауф Саубанович сказал, что ему “Северная Пальмира” нравится намного больше “Москвы белокаменной”. И дело не в архитектуре, не в погоде, а в людях, в менталитете жителей. И о каких бы городах, странах он не рассказывал, всегда описывает их жителей, как там принято общаться друг с другом.

- Архитектура холодная, что она даёт? Важнее человеческие отношения, - объясняет доктор Бикмеев. - Общение между людьми социально значимо, это благо. Мне в жизни повезло с людьми: с учителями, которые меня направляли, с друзьями, с коллегами. Было много людей, за которыми я следовал, потому что мне нравилось с ними общаться. И благодаря уважаемым мною людям, на которых я равнялся, состоялась моя жизнь. Как будто Господь Бог мне дорогу сделал, по которой я шёл. Не представляю, если бы не было тех учителей в моей жизни, кем бы я мог быть? Не могу себя представить нигде, кроме как в медицине. На работу хожу с удовольствием, как на праздник. И я чуть не умер, когда мне пришлось по возрасту из-за коронавируса быть на самоизоляции. Я не знал, куда себя девать! Мне приятно быть на работе, быть нужным. Нравится жить в Мегионе, общаться с земляками.

Вот сейчас кто-то говорит, что на Западе жизнь лучше. Я поездил по заграницам, где только не был! Везде присматривался и спрашивал себя: смог бы я там жить? Нет, не смог бы. Там совсем другой менталитет, все разговоры связаны с деньгами, мне там не прижиться. Выжить бы выжил, но не смог бы получать удовольствия от жизни.

- А что Вы можете сказать о Мегионе сегодняшнем и о его главе?

- Я знаю Олега Александровича давно. С того времени, как он стал мэром города, Мегион очень изменился. Благодаря ему и государственным программам, наверное. Город стал аккуратным, чистым, красивым, ухоженным. Мегион - это как будто моё красивое, хорошее, дорогое мне жилище. Той доброжелательности, которая была между людьми в прошлом, нет. В девяностые годы люди озлобились, это аукается до сих пор. Но всё же человечность в Мегионе сохранилась. Мне комфортно, тепло в этом городе. Здесь я иду по улицам, и вокруг все родное, близкое.

Гаптрауф Саубанович имеет звание “Ветеран труда”, награждён знаком “Отличник здравоохранения Российской Федерации”, неоднократно получал Благодарности и Почётные грамоты администрации города, департамента здравоохранения, Гаптрауфу Бикмееву вручена Почётная грамота Министерства здравоохранения и социального развития РФ. О планах на будущее он говорит просто: “Главное, быть здоровым, а всё остальное придёт!” Пожелаем доктору здоровья!

Елена
ХРАПОВА